



Гимн Учителю!

Леонард Ремпель

Это история жизни моего прадеда Петра, которую я напишу вам от его имени.

Детство

«Удивительна для меня история, как я стал учителем. Мне было пятнадцать лет, и я был полон озорства, шуток, беспечен и самоуверен. Думал, что я птица высокого полёта. И если я вам через 30 лет рассказываю о том времени, то я могу с высоты своего возраста оценить себя критично и более правильно, чем тогда. Как-то вовремя паузы, я с важным видом сел на место нашего учителя, и надев им забытые очки, с большими линзами, громко обратился к своим товарищам:

- Мальчики! Быть учителем это очень удобная профессия! С каким бы наслаждением, я бы вас всех по очереди, мои достойные друзья, затащил на стол и хорошенько выпорол и вы, как знаете не должны сопротивляться, а не то это будет нарушением школьных правил, это может вам стоить двух часов карцера! Ну что ж мои милые грачата и зубрята, через три года я это с удовольствием проделаю!

- " Ты? „ - Прервал меня, мой сосед по парте, толстый Давид, у которого я часто списывал алгебру:
-Через три года ты скорее свинопасом станешь!

И точно, прав был Давид, экзамен я провалил.

- Что теперь? - сказал отец печально.

- Мне нравится гимназия в Бердянске, -произнёс я тихо и неуверенно, это было моим тайным и самым

сильным желанием, о котором я мечтал очень давно, да и толстый Давид, тоже туда хотел. Отец смеялся со слезами жалости ко мне, он и так выбивался из сил, чтобы прокормить свою семью. У него не было денег на мою учёбу.

Я поступил в ученики к владельцу магазина в Крыму. Вместо серебряных пуговиц — чайные и винные пятна на халате, вместо школьного скипетра, кувшин с вином. Но это было ещё не самое худшее, как вы в дальнейшем узнаете. Пришла весна, и мой хозяин послал меня пасти свиней. Я сопротивлялся из всех сил, но мой хозяин, высмеял меня и сказал, что это никакое не позорное дело, а приносит много удовольствия и радости. Свиньи за зиму застоялись и теперь надо было их гнать на лужайку, где зелёная травка. Сам хозяин, его ученики и я уныло гнали свиней. Они резво, с поросычьим хрюканьем и визгом бежали по улицам села, заполненного народом; от стариков до малышей. Все глазели на это зрелище. Я не знал, что делать? Если бы это увидел толстый Давид? Кровь хлынула мне в виски. Неожиданно возникла суматоха, на меня мчался большущий кабан.

-Хватай его за уши! Держи его! Хватай его за задние ноги! -и до меня дошло, что это кричали мне. Кабан нёсся прямо на меня. Я прыгнул на кабана, крепко схватил его за уши, но он резко развернулся, и я оказался у него на спине и с неё свалился на землю. Раскатистый смех раздался со всех сторон, я не знал куда деться от стыда и слезы обиды застилала мне глаза. С крепко стиснутыми зубами и с сжатыми кулаками, я прибежал домой, закрыл засов двери за собой и рухнул на свою жесткую постель, горько плача.

Толстяк был прав! Свинопас! Из меня получился самый настоящий свинопас, продавец чая и кориандра! И это все? Неужели так и пройдёт жизнь, и то, о чём я мечтал, никогда не случится? Я плакал в безутешном горе, не кому было меня приласкать и утешить! Моя милая красивая мамочка лежала в могиле, а папа был занят заботами о пропитании семьи. Нет, тысячу раз нет! Я буду ещё кем-то! В жизни тысячи путей, ведущих к цели, но как начать? Я метался всю ночь, как в огне, в сомнениях, надеждах и утешениях. Внутри меня шла борьба, между отчаянием и поиском выхода из создавшегося положения, Мне было всего 15 лет, и все решения я должен был принимать самостоятельно.

Тукарлча, где находился наш маленький ларёк, находился в одной очень маленькой деревушке, в которой жили не прихотливые жители, а татары по соседству, которые и были нашими главными покупателями. Жители деревни все больше и больше уезжали в другую немецкую деревню Скарлош. В конце концов и мой хозяин был вынужден закрыть свой ларёк. Что будет со мной ему было безразлично, да и вообще на всей земле, не кому было позаботиться обо мне. Мой любимый отец, последняя моя надежда, друг и пример для подражания, тоже умер. И я остался совсем один. Все мои братья и сестры, остались с мачехой, которая родила от отца ещё три девочки. Там просто на просто не было места для меня.

Неожиданное предложение.

В один из дней, три мужчины, с шумом вошли в лавку! Я с радостью узнал там, в одном из них, моего родного дядю Исбранда.

-Ну на этот раз ты даже не догадаешься, почему мы приехали?- сказал дядя, добродушно усмехаясь! На моё предположение, что они что-нибудь хотят купить, дядя усмехаясь сказал:

-Так точно! Мы хотим купить тебя! В нашей деревне нет учителя, и мы, на сельском сходе, решили тебя нанять нашим учителем! Ты же не откажешь нам, в нашей просьбе и не дашь нам от ворот поворот!

Я посмотрел на моего дядю, совсем растеряно, предложение казалось мне неожиданным и невероятным. Я стал объяснять им, что я не знаю, как преподавать, так как не учил педагогику.

-Если бы ты был нам не годен, то нас бы не послали к тебе наши жители! Мы даже можем сказать, если ты согласишься, то тогда у нас будет самый образованный учитель, на сто вёрст в округе! Поэтому не тяни долго с твоим решением и принимай его. Мы заплатим тебе хорошие деньги за зиму, 100 рублей. А питаться ты будешь у всех жителей по кругу!- сказал дядя.

-Ещё этого мне не хватало!- сказал я возмущённо

-Как скотина, от одного дома, к другому? Это я не буду делать!

А про себя подумал, чтобы на это сказал толстый Давид?

- По кругу я не пойду! Нанимайте кого хотите!

-Не будь таким дурачком, мальчик! Да ты знаешь ли о чём ты говоришь? Если мы узнаем, что учитель к

нам идёт кушать, то будет такое приготовлено, какое только печень может выдержать! Всякий будет с нетерпением ждать тех кушаний, которые будут на столе. Даже белый хлеб!

Я, до этого, слышал о несчастье начинающего учителя, который "ходил" и был измотан на всём протяжении своего учительства, кашей из пареного проса и ветчины: воскресенье, понедельник, и до субботы. Утром просо, в обед просо и ветчина. Бедняга до того дошёл, что даже был вынужден уйти работать к мельнику, и только там наконец то получил разнообразие. Наконец, мой дядя, предложил мне за 30 рублей, за весь школьный год, столоваться у него дома! Только когда мужчины ушли, до меня дошёл весь смысл, содеянного. Я вообще не должен был принимать это предложение. Мне стало так страшно, что я не справлюсь и опозорюсь, но три рубля задатка лежало в моем кошельке, и я был уже по договору настоящим учителем села Яркантау.

Ну и что теперь толстый Давид мог бы сказать? Кто был прав, я или толстый? Так неожиданно, я пришёл к тому, о чём мечтал в школе.

Представ себе, мой уважаемый читатель, школу твоего села. Это солидное, крепкое сооружение, которое стоит на вершине холма, в окружении старых ветвистых акаций, Она имеет зеркально чистые окна, сквозь которые яркий свет проникает в классы, везде чистота и порядок. Стоит эта школа и с высоты глядит на ряды крестьянских домов, как бы говоря, а я ведь гораздо важнее, чем вы. В моих стенах не лежит запас золотистого зерна. Внутри школы не найдёшь серебра и золота, не найдёшь ни каких драгоценностей, но жемчужина огромного значения, находится во мне. Один бьющий источник чистой воды, которую должен испить каждый житель. Школа привлекает каждого в спешке проходящего мимо, своей кипучей энергией, и если бы всходило хотя бы 5% семян, которые были здесь засеяны, то и это было бы хорошо! Хотя и неудачи тоже бывают в ней. Деревенская школа, это как термометр, по которому можно узнать благополучие, не только села, но и государства. Благосостояние государства, зависит от школ. Если она находится в разрушенном состоянии, то и ученики, не получив благословения от школы, будут забыты и будут влачить жалкую и несчастную жизнь. В школе всегда самый главный это учитель, только от него зависит, какими людьми выйдут дети из неё, и это не зависит от разных учреждений, от церкви, от зарплаты, и простите меня за то, что я себя сам делаю королём.

Волнения перед поездкой.

До отъезда оставалось несколько дней. Я не знал, что мне делать, вспоминал учителей, и особенно моего любимого учителя Нойфельда. Как он вёл урок, но не мог представить себя на его месте. Что делать? Я чувствовал себя предателем, обманщиком. Как я без опыта и знаний буду учить детей? Решил обратиться к местному учителю, по имени Вульф. Летом он был обыкновенный крестьянин. Зимой делал седла, обувь, работал секретарём в сельском совете, если хватало сил и времени, то учил детей в школе. Он занимал деньги крестьянам и это без процентов, но зимой, к Новому году, люди приносили ему, кто два пуда белой муки, кто дыни, в общем кто что мог. Это была плата за учёбу их детей. Когда я вошёл в горенку, к Вульфу, он как раз был занят плетением плети. Он знал уже что я нанят учителем, предложил мне присесть. Он молчал, делая своё дело. Я от волнения тоже молчал, не зная, как начать разговор.

После долгого молчания, бросил на меня внимательный взгляд:

-Юноша! Я не знаю, что тебе посоветовать!

Я сидел в ожидании совета и помощи, но снова услышал:

-Я не знаю, что тебе посоветовать!

Это было коротко и ясно, это был результат его работы учителем, и он не мог ни чего к этому добавить.

Он продолжил свою работу над плетью. И снова пауза, наконец я не выдержал:

-Я пришёл к вам, чтобы получить совет, я хочу быть учителем и себя в этом деле развить, и я добьюсь этого, чего бы мне это не стоило!"

Почти испуганно Вульф отложил свою работу, и вопросительно смотрел на меня, пауза затянулась, но затем он сказал с оттенком сочувствия

-Ну если ты не можешь по-другому, то попробуй!

Вот этот короткий совет и придал мне мужества, ведь всего одна зима, а обратно вернуться в такой же ларёк, всегда успеешь. И я попробовал это сполна, проведя целый год в школе, это как искать крота в тумане!

Дядя Исбранд.

Мой дядя Исбранд забрал меня с вещами и в долгой дороге на телеге, рассказал мне, что больше 32 рублей за мой прокорм и ночлег общество ему не дало, но он хочет от меня большего. Он бы с удовольствием пошёл в школу, но сидеть среди малышей, со своими 65 годами, это для него поздно. Он уже старый гриб и не подходит для этого дела, но если я его до весны выучу писать свою фамилию на русском языке, то ему большего и не надо, так как он знает, как это тяжело, научить старого пса лаять!

Так же, мой любимый дядюшка, рассказал мне о моих будущих хозяевах. Пастор Б. является вором, который отбирает у людей их земли, и всеми силами сорит людей между собой, да к тому же он травит людей своей Гомеопатией. Но в десять раз хуже его, был краснорожий Беккер, этот противный осел, который не оставлял ни одного человека, чтобы не избить. Этих двух фамилий, я должен опасаться и ни в коем случае им не доверять, даже если они мёдом будут мою морду мазать!

Дядюшка был грубоват на слово. Другие люди были, по его словам, вполне нормальными и с ними можно было хорошо жить, если не вызывать собаку из будки! Я был на стороне моего дяди и верил ему. Дядя был высоким и крепким мужчиной, с искренним лицом и бесхитростными глазами, небесно-синего цвета. Он мне нравился, этот огромный мужчина с длинными руками и ногами, обутыми в обувь "шлорры"* казался мне богатырём. Моё воображение, возбудило во мне юношеское мужество, перед встречей с такими опасными людьми и я спросил дядю:

-А на тебя не пытался хоть один раз, напасть этот рыжий Беккер?

Мне не верилось, что кто-нибудь осмелился напасть на этого доброго великана.

- Естественно!- ответил он с усмешкой, его лицо покрылось морщинами и глаза загорели возмущением

-Один раз я, в заднем дворе, рубил кусты и не думал ни о чем плохом. Этот пройдоха, как кошка, подкрался ко мне сзади и так ударил меня вилами по голове, что даже черенок сломался! У меня в глазах все позеленело. Что там дальше случилось, я не знаю, но я просто был в не себя от возмущения! Я даже до сих пор стыжусь об этом говорить! Беккер потом должен был много месяцев хлебать суп гемотерапии!"

- "Вот и наше село видно!" - прервал он свой рассказ.

И вот въехали мы в деревню, в которой была моя школа. Моё сердце билось сильно, все население деревни вышло меня встречать, и ребятишки даже на заборах сидели. Все хотели посмотреть на нового учителя. Мне было всего 16 лет и первые ошибки я сделал сразу же, как только въехал в деревню. Я никого не приветствовал. В той деревне, в которой я вырос, эта традиция уже отошла, и я не приветствовал людей, которых не знал. От этого я только потерял. Люди говорили, что можно ожидать от такого учителя? Не очень-то и много, так как он не может даже сказать: «Добрый день!"

Другие говорили, что я гордый фрукт и было бы лучше, сразу же меня выгрузить за огородами. Все это привело к тому, что все охладели ко мне и только краснорожий Беккер и пастор Б. хотели иметь со мной дружбу. Это событие очень меня расстроило. Ведь как раз с этими людьми, я не должен был поддерживать контакт. Недоверие жителей к учителю, это своего рода яд на нежный цветок. В эти трудные для меня дни, я познакомился с женщиной, которая была женой моего дяди Исбранда. Это была женщина редкого ума и доброго сердца. Она была оазисом в пустыне. Но к моему горю, она умерла на третий или четвёртый месяц пребывания меня у них. Как горько я плакал, что потерял такую материнскую подругу, которая подарила мне щедрость своего материнского сердца, как мне её не хватало, ведь прошло уже восемь лет, как я был без материнской любви моей мамы, которая рано умерла. И для школы она тоже дала мне первые наставления, но об этом в другом месте. Как будто Господь дал мне бесплатно столько разочарований и страданий, чтобы подготовить меня к учительской профессии.

Первый год моего преподавания.

В 1885 году в Яркантау, я увидел мою школу, которая не была дворцом. Она была выложена из сырого дикого камня не оштукатурена и не побелена, как многие дома в деревне. Не было забора, деревьев и коровы, с пастбища, с удовольствием чесали свои бока об углы строения. В каждой стене было по кривому окну, не струганная дверь вела в кухню, из которой был вход в класс, Пол был из глины, в

котором были большие ямы. Потолка тоже не было, и была видна крыша, выложенная из дёрна, на котором росла трава и валялись пустые бутылки. Меня очень расстроило такое жалкое помещение, а ведь везде в Крыму были построены красивые здания и школы из дешёвого, пилёного, светло-жёлтого камня.

С тех пор я часто наблюдал, что такое отношение к школе вызывает в детях равнодушие к своей судьбе. Это моё ужасное впечатление о школе и о том отношении ко мне людей, в первые дни, которое было не выносимым, вызвало желание уехать отсюда как можно быстрее. Я бы и уехал, но ближайшая станция была не ближе 100 километров.

Первый день в школе начался. Я достал книги, в том числе физику, геометрию, мировую историю, арифметику и стоял у окна думая, что делать? Вдруг чья-то рука нежно коснулась моего плеча. Я вздрогнул испуганно, это была моя мудрая материнская подруга.

-Что хочешь ты делать с этими книгами?- говорила она тихо и ласково. Взяла книги и положила их в шкаф: «Пусть они там лежат! »

С верхней полки шкафа достала Библию, катехизис и сборник церковных песен, показала те, которые уже знают дети, и при этом сказала:

-Нашим крестьянским детям вполне достаточно знать несколько церковных песен и стихов из Библии! Прочитай им псалом и расскажи какую-нибудь историю, которую знаешь! Иди, а то дети уже ждут тебя! Помоги тебе Бог, Пётр!

Когда я открыл дверь в класс, то еле увидел моих учеников сквозь столб пыли. Они сидели тихо как мыши и казалось, что эта пыль сама поднялась до крыши.

- Добрый день, дети!- сказал я, но ответа не последовало, я ещё громче сказал:

-Добрый день, дети! Они продолжали молчать, наконец одна самая взрослая девочка сказала:

-Это сделали мальчишки, они все время играют в римлян!

На это возразил пышущий здоровьем крепкий паренёк:

-Не обманывай Стини! Это сделали девочки, своими длинными юбками до земли.

После того, как я проветрил класс, мы спели:

-Будь с нами наш милосердный Господь Иисус Христос!

Историю, которую я рассказывал, после церковной песни, затянулась на долго, и моя тётя прислала за мной гонца, сказав, что обед уже остыл. Дядя Исбранд, сидел уже на своём месте и был уже заметно недоволен:

-Кто опаздывает, тот получает только остатки!

Я выглядел, после моего первого урока счастливым и не знал, что только выбрать и рассказать моим соседям по столу, чтобы и они порадовались за меня и что у меня все получилось.

Дети хоть и были дикими, не знали порядка, не знали литературного немецкого языка, пели как дикие поросята, никто из них не видел города, железной дороги. паровоза, а о русском языке не было и вообще никакого понятия, но они слушались меня. И у меня зрел уже план, чему я буду их учить. Я благодарил сердечно Бога за это! Я говорил и говорил про свой класс, про детей и про свои планы, я заливался как соловей, как вдруг раздался голос дяди Исбранда:

-Мы можем поговорить о чем-нибудь разумном? Мне эта бредятина уже стоит в ушах! Я замолчал ошеломлённый. Но Тётя серьёзно указала дяде, на его грубость и обвинила его, что он своих телят больше любит чем детей, и даже его кучи с навозом важнее для него чем школа.

К сожалению, даже не земная радость может быть разрушена в тот же день, когда она возникла.

Невинная причина в этом был мой маленький кузен, Абрам, который был на моем первом уроке. На вопрос матери, как ему понравились истории, которые он услышал в школе, он сказал:

-Да там и не было ничего интересного! Он только болтал какой-то вздор!

Ответил он своей матери, легко и свободно, с большой убеждённости в своей правде. На это искреннее свидетельство, быстро отреагировал отец, вытащил ремень из штанов и дал солёненького, через тонкие штаны пацана, толкнул его к двери с сердитыми словами:

-Иди отсюда! Ты ничтожество, если тебе не нравятся истории учителя!

Каждый удар, который получал пацан, отражались на мне, в двое больней, его искреннее свидетельство, ярко показало, кто я на самом деле. Я так старался и этот уничтожающий меня как педагога вывод.

Я пошёл в огород и встал под кустами вишни, я хотел быть один, чтобы разобраться в чём же моя неудача. Этот маленький мальчик, показал мне, что моя задача на много сложнее и шире, чем мне казалось до этого, что я ещё очень далёк от настоящего учителя и мне надо многому учиться. Это целое искусство, которым надо овладеть в совершенстве. Отчаяние овладело мной, я готов был все бросить. Ещё долго я не мог освободиться от чувства неуверенности. Это чувствовали и ученики. Упрёки угрозы и от угроз к насилию, что вызывало сопротивление, своеволие лень, что и являлось естественной природой человека. Вся эта история окончательно меня разочаровала. Я чувствовал, что с окончанием года должен покинуть школу, из меня не получался учитель, но я сильно хотел им стать.

Я плохо ел и пил, и совсем исхудал. Моя тётя была обеспокоена, она очень заботилась обо мне, и думала, что на моем здоровье, сказывается негативное отношение ко мне со стороны некоторых жителей, которые все ещё не могли меня простить за моё нескладное появление у них в селе.

Она ходила по соседям и узнавала, кто что думает об мне, и если новость была приятна, то она её мне сообщала. Однажды она узнала, что в К. состоится учительская конференция. Человек 30 учителей меннонитов, собрались и только 2-3 человека, понимали что-то про обучение, но мы много говорили и были проведены, несколько пробных уроков, которые мы разбирали. Мне это очень помогло, я чувствовал, как мне этого не хватало.

Мою тётю положили в больницу и через неделю её не стало. До чего же мне было горько. После конференции, я пересмотрел свои методы обучения, и разработал часовой план по предметам. Было введено заучивание некоторых уроков, были введены книги для чтения, как русские, так и немецкие. Старики были ошеломлены, теми преобразованиями, которые я ввёл в школе.

В один из вечеров, за мной пришёл посыльный, его послал наш староста села. Он поинтересовался могу ли я говорить по-русски и как обрадовался тому, что я знаю русский язык.

В управе бушевал урядник, приехавший из города. Он метал громы и молнии на этих прусаков, которые и через тысячу лет не выучат ни одного русского слова. Староста и его заместитель были озадачены, ведь они сами и все жители в селе, не знали русского. Я спокойно зашёл и поздоровавшись с урядником сел рядом с ним за стол. Я спросил его, что он хочет знать?

" Спасибо Господи, что в этом проклятом гнезде, есть хоть один разумный человек!" гнев покинул урядника. Дело было в том, что кто-то по ошибке назвал наше село, в котором должен был скрываться преступник. Мы быстро уладили это недоразумение, и я не придавал этому большого значения. Но с этого дня я стал любимцем села, все люди потянулись ко мне. Длинный Ёхан Косфельд сказал, что если я его научу говорить по-русски, как сам умею, то он отдаст мне своего годовалого жеребёнка и ему это будет не жалко, но к этому не пришло, так как вскоре он продал его и на вырученный деньги купил сладостей, конфет и открыл лавку, но так как никто не покупал у него эти сладости, то он сам их и съел.

Мой дядя, придя в школу, по моему приглашению, был очень удивлён, услышав, как дети говорят по-латински. После конференции я чувствовал себя хорошо до конца года, и никто больше не жаловался на меня.

Конец учебного года.

В марте, неожиданно для меня, жители решили закрыть школу, для ремонта. Староста сказал, что дети должны помогать в весенних работах, и что экзамен должен состояться в четверг, через пять дней. Я возразил, сказал, что мы ещё не все прошли, и что в соседних деревнях, ещё продолжается учёба, на что мне было строго сказано, то что вы не учили, то и не давайте в экзамен. Будет праздник и для школьников приготовлены подарки. В четверг, состоялся мой первый экзамен. Были приглашены все родители и даже были учителя из соседних школ, как же были счастливы родители, когда они слышали ответы на библейские вопросы, или то как их ребёнок читал по-русски, и тут же на литературном немецком. Учителя и родители очень хвалили меня и удивлялись как это я, за такой короткий срок, сумел достичь таких результатов. Столько похвал я не получил за последующие 24 года моей работы в школе. Я был безгранично счастлив. Я сделал все что мог, староста пригласил меня и на следующий год вести занятия, за ту же цену, но я рвался домой, к своим друзьям и братьям с сёстрами, а также к красавице соседке, чтобы рассказать об моем испытании и как жилось мне в Крыму.

Я попрощался с учениками, с дядей Исбрандом. Как не странно вёл себя маленький Абрамчик, он начал громко говорить, шутить, но все равно слезы стояли у него в глазах, и когда я хотел с ним попрощаться, то он исчез. Возможно он не хотел дать прощальный поцелуй, своему учителю. И если этот шалунишка сможет прочесть, эти строки, то пусть знает, что он всё равно получит поцелуй от меня, если не в этой жизни, так там в небесах, где не будет у него возможности скрыть свою любовь и свои добрые чувства. В одно тихое мартовское утро, задолго до восхода солнца, когда утренние звезды ещё светились на небосводе, тащил я свои не многие вещи, по улице, и не сводил своего долгого взгляда от школы, вглядывался в тени во дворах, в надежде увидеть, хоть одно живое существо, но напрасно, все спали. Никогда больше я не попал в эту деревню и не слышал больше ни об одном жителе из этой деревни. Два года назад я пришёл сюда и теперь дорога лежала домой на мою Родину, с 65 рублями серебра, в кармане. Это было счастье и богатство.

Медленно двигалась наша повозка, через бескрайнюю степь, в которой не было ни одного деревца или озера, которые могли бы радовать глаз. Было тихо, и лишь поскрипывали колеса, да лёгкий топот копыт лошадок, разносились над степью. Да иногда чихали лошадки, если попадал им песок в их ноздри. Через регулярные промежутки времени, возница приободрял лошадок, криком и те, низко наклонив головы, с бесконечным терпением, раскачивали длинные вожжи, которые тянулись от дышла к вознице. Он сидел, как и положено настоящему меннониту с правой стороны, и благодаря своим шести пудам веса, против моих четырёх пудов, я все время рисковал попасть ему на колени, так как повозка изрядно наклонилась, что было для меня не желательно. Билет стоил 2 рубля 99 копеек, у меня был с собой белый хлеб, так что я без проблем доехал до нужной станции.

Было темно и думать о дальнейшем пути было бессмысленно. Я зашёл в зал ожидания, но там было много рабочих, которые тоже ждали поезда. Их ругань, грязные и вульгарные разговоры испугали меня, и я вышел из здания.

Через несколько сотен шагов, появилось здание. Из окон, бил яркий свет. Я открыл дверь и увидел молодую пару, которая сидела у кипящего самовара, и любовно нежно разговаривала. Я поздоровался с ними и робко спросил, не видали ли где они тут немцев.

- Немцы, тут каждый день бывают, но вам бы лучше было, если вы голодны отведать чаю и бублика,- сказала милостивая и доброжелательная молодая женщина.

-Да к тому же вы можете провести ночь на скамейке.

О, как я наслаждался чаем и бубликом, как это было чудесно. Какие же эти русские добрые люди! Награди их Бог, за хорошие дела!

В то время, когда мой возница, пошёл в заезжий двор, чтобы поесть и отдохнуть, перед дорогой, я пошёл проститься с этой милой парой. Из вонючего придорожного кабака, так противно пахнувшего вином, вышли молодые люди. Они оказались немцами, менонитами. Какие же это вульгарные грубые и хамски неприличны были люди. Ну несколько не лучше, тех, русских рабочих, которых я встретил в зале ожидания. Они так напились, что потеряли человеческий облик. Возница попросил у меня денег, на хлеб. Какой хлеб он купил, я узнал лишь в лесу, в который мы въехали глубокой темной ночью. Была ужасная грязь. Возница потерял сначала вожжи, потом кнут, а затем и шапку.

Я терпеливо, подобрал кнут, шапку, и стал его уговаривать ехать дальше, так как хотел к утру быть дома. Но бесполезно, он завалился на сиденье и мощно захрапел. Я сильно его затряс, сунул ему вожжи в руки и строго сказал ему, что он должен ехать, но и это не помогло, тогда от отчаянья я схватил его за волосы, крича, что он должен ехать.

С свирепыми проклятиями и обещанием, перерезать мне глотку, он вытащил нож и бросился на меня. И откуда у него появились силы и резвость, одному богу известно. Несколько раз мы обежали повозку, наконец силы у него иссякли, и он снова забрался в повозку и в следующую секунду уже крепко спал. А я стоял, сзади телеги, весь в грязи, и глядел, заплаканными глазами, на серебристые полосы на небе, сквозь которые пробивалась Луна.

И такая невыразимая тоска овладела мной, по-моему, недавно умершему отцу, так хотелось снова, хоть раз, услышать от него слова, которые он часто говорил мне:

-Мой мальчик!

А что оставалось мне делать? Юноше в 16 лет, темной ночью в бездонной грязи, не знающему дороги и с

возницей, который лежал смертельно пьяным в телеге?

Кнутовищем очистил колеса от грязи и травы, сел на место кучера, и натянул поводья, предоставляя лошадям, самим искать дорогу.

На следующее день, в полдень, мы были уже в деревне. От пережитого страха в лесу, в этой темноте, грязи и сырости, мои мысли стали проявляться в стихотворной форме. Я просто не мог от них избавиться и исписал ими, один страшнее другого, всю свою толстую тетрадь, примерно такого содержания.

Совы завывание отвратительное
и пыхтят ненасытные ведьмы
И колючки путь затрудняющие
И от ярости кулаки сжались!

Но гнев сменился вдруг
Тоской неутолимой
Никто не обратил внимания на моё стремление,
Никто не показал мне путь.

Каждый спешит дать хороший совет:
«Будь красавчиком там на дне!
Принимающем бедных сирот.
Устало пройди через тёмную долину.»

Моя надежда похоронена,
Желай самой смерти тысячу раз!

Позже я начал исправлять свои стихи и так долго и упорно, пока, наконец, только осталась обложка от тетради.

Крещение огнём.

Наконец, широкая красивая долина Молочная, лежала перед моими глазами. Я задохнулся от того чудесного запаха, который окружил меня, при спуске с так называемой горы Пришиб. Ах, почему, как раз сегодня, не звучат колокола лютеранской церкви, звон которых, я так любил с детства. Он звучит так торжественно, спускаясь, мощными волнами, с горы и растекаясь по долине, призывая христианский народ не забывать молиться.

Дома, меня встретило много разочарований. И многие бы тогда встретили меня с приличным -Добро пожаловать домой! - если бы знали, как нуждается в любви сердце сироты и то что я это опишу на бумаге.

Первоначально, я даже не хотел верить, что несмотря на такое моё долгое отсутствие, жизнь в Н. так спокойно течёт. Старшеклассники, так же шутили и подкалывали друг друга, как и раньше. Малыши, первых классов, так же, как и раньше, наполняли улицы, своим весёлым гомоном и смехом.

Даже сосед Неро, мой хороший друг с давних времён, хоть и узнал меня, но не показал, какого-то особого внимания, ко мне.

Один директор школы, когда я попросил у него найти хоть какое-то место работы в любой школе, с усмешкой, которая говорила о многом, сказал, что школьный совет, таких учителей, как я, хочет вообще изгнать из школ.

Я ушёл от этого жёсткого человека и сердце обливалось кровью. Свою угрозу, этот человек не смог исполнить, так как вскоре, сам был изгнан из школы.

Мои одноклассники, заканчивали двухгодичные педагогические курсы, и готовились под руководством учителей к выпускному экзамену.

Они поглядывали на меня с высока, так что я не испытывал ни малейшего желания, приблизиться к ним.

То один, то другой ставили мне вопросы из области педагогики, а откуда я мог знать Дидактику или Этику, когда даже и близко не изучал, эти предметы.

Все эти издевательства, привели к тому, что между мной и ними, возникла стена отчуждения. Они не желали помочь мне советом, а лишь утверждались в своей исключительности, за мой счёт. Лишь один, весёлый и озорной Эрнст, ставший моим другом на всю жизнь и мой брат Ганс дали мне на много больше, чем даже они сами подозревают.

Я совсем уже отчаялся, стать учителем. Везде отвергнут и отталкиваем, и столько препятствий, которые, казалось, невозможно обойти. Я решил уйти из дома, и искать карьеру в каком ни будь магазине. Отцовский дом, без отца, казался мне пустым и без любви. Но что-то серьёзное, что было во мне, говорило, что учитель — это не только лишь тот, кто имеет специальную подготовку. Учитель должен иметь внутренний стержень, любовь к детям и к профессии, а уж любви к детям и желания быть учителем, мне было не занимать.

В долгих прогулках по пастбищам Молочной колонии, мы вели доверительные беседы. До сих пор звучат в моих ушах его осторожные и нежные вопросы:

-Как ты себе это представляешь? Что ты думаешь о ...?

Или: «Что ты будешь делать если?»

Я не знаю кто из нас бредил профессией учителя больше, я или он, но знаю, что в этих разговорах, я представлялся себе таким маленьким, по сравнению с ним, что несколько раз называл его на «вы». Он радостно и громко смеялся. После разговора с ним, расстаться с моей мечтой стать учителем, становилось для меня не возможным. Он серьёзно советовал мне подготовиться к экзаменам на учителя, которые я мог с успехом сдать. Он говорил, что русская программа сдачи на учителя, не такая уж и сложная. А уж когда сдашь экзамен, то получишь право преподавать, что тебе и нужно.

И тогда мы с тобой приложим все усилия стать учителями.

-Мы- сказал я. –Да мы! – ответил он

-Между нами говоря, я являюсь лучшим учеником на курсах, и мне предложили самое лучшее место, в непосредственной близости от нашей деревни. В надежде, что я буду хорошим учителем. А я не знаю, даже как преподавать детям, по наизусть заученным методикам, которые и сам не очень-то хорошо понял. Эти методики подходят для чего угодно, но только, не для наших немецких школ в России. Да и практика была поверхностной, лишь всего провели несколько уроков. И вот так плох вооружённым, я должен возглавить школу из 60-70 учеников, на двух языках. Это все говорит за тебя, ты уже прошёл эту школу, и можешь трезво оценить все это. А ведь большинство, выпущенных учителей, учителями не являются. Им будет очень трудно, стать учителем.

-Серьёзно! Ты был тогда прав! Поэтому я расскажу тебе одну мечту и смотри, чтобы она тебя так же разогрела, как разогрел ты, меня тогда.

Мечта старого деревенского учителя.

-Всегда довольны и веселы, всегда! Да пусть светит Солнце! – весело щебетали мои малыши, хотя им предстояло разобрать басню Крылова «Свинья под дубом»

Свинья под Дубом вековым

Наелась желудей досыта, до отвала;

Наевшись, выпалась под ним;

Потом, глаза продравши, встала

И рылом подрывать у Дуба корни стала.

"Ведь это дереву вредит, -

Ей с Дубу Ворон говорит, -

Коль корни обнажишь, оно засохнуть может".

"Пусть сохнет, - говорит Свинья, -

Ничуть меня то не тревожит,

В нем проку мало вижу я;

Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;

Лишь были б желуди: ведь я от них жирею".

"Неблагодарная! - примолвил Дуб ей тут, -

Когда бы вверх могла поднять ты рыло,

Тебе бы видно было,

Что эти желуди на мне растут".

Невежда так же в ослепленье

Бранит науку и ученье

И все ученые труды,

Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Что ни говори, а Крылов умел, с только ему присущей лёгкостью, да ещё и в шутливой форме преподнести нам на блюдечке пороки людей во всей красе. Вот и басня Свинья под дубом не становится исключением. Кто главный герой басни? Свинья, которая не видит дальше своего носа? Или Ворон, которого свинья не собирается даже слушать?

Главный герой басни Дуб, это он отражает образ мудрого человека, скорее даже старца, не пытающегося наставить на путь истинный свинью, а лишь в сердцах говорящий истину.

Так и я, чувствовал себе умудрённым дубом. Ответственность, за этих маленьких, таких милых и мной любимых учеников, лежала на мне, тяжёлым грузом. Они весело поют играют и им кажется, что мир так безопасен, они всегда будут защищены от опасности и находятся под защитой! А какой? Они об этом и не думают.

В своих видениях, я видел, что менонитские села, находятся в непроницаемом тумане, а окружающий их мир, вообще погружен во тьму. Этот туман поднимался вверх, потом опускался и это выглядело, как волны прибоя. А окрестности все равно были тихи, неподвижны и черны.

Потом я услышал сильный грохот из Хортицы. Туман расступился, и я увидел удивительную картину.

Сотни рук, носили бревна, кирпичи и красивейшее строение росло на моих изумлённых глазах.

-Что вы строите? -спросил я пожилого мужчину, с бритым лицом, кутившего огромную трубку.

-Дом учителей! –ответил старик

-Такой большой? И как вы с этим делом справитесь? - спросил я, волнуясь так, что ноги у меня тряслись от возбуждения.

-Либо приличное и нужное или ничего! –ответил старик.

-Слушай, старый, а будут ли, в ту школу принимать, пятидесятилетних студентов?

-Для этого и строим мы этот колледж! –Старик лукаво усмехнулся.

Ну в самом деле, Ернст? Что можно ещё большего желать, чем этот красивый аккуратный менонитский центр, подготовки учителей, который будет выпускать отличных педагогов.

Его лучший друг.

Былые времена.

В районе Таврии, двадцать лет до этих событий жил, старый инвалид учитель Л., который подрабатывал продажей мучных товаров. Это было своего рода благотворительность второй категории, которую оказал ему богатый мельник, да и то из милосердия и сострадания, так как учитель Н. не годился на эту роль. Он говорил на ужасном русском.

Тем не менее он имел доброе, любящее сердце, в своей впалой груди. Маленькие живые глаза свидетельствовали о его верности и мужественности. Он был молчалив и редко вступал в разговоры. Но если разговор шёл о школе или образовании, то его согнутая спина распрямлялась, глаза светились, лицо наполнялось радостью и воодушевлением. Поток слов вырывался у него из сердца, рассказывая о том золотом времени, когда ему было позволено жить в своей любимой профессии.

Я испытывал к старику особое чувство благодарности. Я был тогда молодой учитель, который стремился доказать, что не зря доверили учить детей. К тому же, я был сыном, его лучшего друга, то есть моего отца. И эти слова от него, что я сын его лучшего друга, были для меня особенно большим счастьем. Для меня было на много лучше быть сыном лучшего друга, чем сыном генерала, потому что старая любовь и дружба и есть настоящее золото.

Мой отец Берхард

Учитель Л. был школьным товарищем моего отца Бернда и они много испытали вместе, как говорится прошли огонь, воду и медные трубы. С удовольствием рассказывал он мне про моего отца: Сидит как-то Бернд (мой отец) у окна и смотрит вдоль улицы, в то время, когда его товарищи упорно учат правила немецкой грамматики

-Мальчики –обращается он к своим соученикам,

-сегодня мы будем мычать, на уроке учителя Костгенгера!

-Почему ты пришёл к такому заключению?

-Учитель столько покупает рыбы, в уличном ларьке, что мы просто на просто задохнёмся!

И действительно, воняло так, что хоть святых выноси. Ну мы и начали мычать, не открывая рта.

Потом, учитель несколько раз заставлял Бернда и меня ложиться на специальную лавку, и с усердием бил плёткой, куря при этом трубку.

После окончания школы, более одарённый Бернхард Гардер, стал школьным учителем. Учитель Л. Напротив, вынужден был поехать в Токмак, и наняться работать в винную лавку.

Учитель Л. рассказывает дальше.

- Как учителя, меня никто не хотел брать! В контору писарем, не было места и что мне оставалось делать? Я очень страдал в этом тёмном вонючем подвале. Мой бедный и старый отец, не мог мне помочь. Я страдал не выносимо, не мог спать, пропал аппетит. Этот невыносимо противный запах, винной лавчонки, я и до сих пор не могу выносить. Моя жизнь казалась мне безнадежно напрасной и бесцельной.

Но в один из дней, совсем неожиданно, мне был дан ответ на мои мучительные вопросы и их дал мой лучший друг, твой покойный отец. Он был уже проповедником, и его слава уже шла на Украину, среди всех меннонитов, во всех колониях и доходила до Крыма и естественно до моего винного погреба.

До сих пор вижу его, серьёзного и молчаливого, спускающегося по лестнице в мой винный погреб. Он подошёл ко мне, очень внимательно посмотрел и сказал приглушённым ледяным голосом:

-Яков, ты тут погибнешь! Здесь жилище дьявола!

Больше он ничего не сказал, пожал мою руку, и прежде чем я в себя пришёл, исчез.

Теперь мне, моя ситуация до того стала ясна, что я в этот же самый день ушёл, из этого проклятого места, без всякой перспективы получить лучшее место. Мне стало так легко на душе, как будто я был у Бога в службе. Я сразу же получил место учителя в М.

Прежде всего должен иметь веру, и тогда получишь благословение и черные облака исчезнут!

Старик, утёр слезу с глаз, и направив свой взгляд в даль, продолжил

-Да, он был моим лучшим другом, и когда мы были вместе, то я переживал, лучшие часы, моей жизни. Его присутствие вдохновляло меня, придавало мне сил в моей работе в школе.

Когда он появлялся во второй половине дня, во дворе школы, протянув руки к моим мальчикам и девочкам, то дети с радостью неслись к нему, окружали его весёлой стайкой, и так шли в класс. Как они любили его, и он их.

Каждый раз, он пел с ними «Овечки, моя песня!» и «Моего Иисуса, я не отпущу!». Единственную песню, которую он мог довольно таки петь правильно. Очень уж он любил эти песни и мужественно пел вместе со всеми. Кто видел его со стороны, был уверен, что это он ведёт мелодию, и все поют лишь под его вдохновенным пением, но ближние, всё-таки вынуждены были немного от него отстраниться, чтобы не потерять тональность пения.

Бернхарда Гардер, сочинил более тысячи песен, божественного содержания, и до сих пор поют, его песни в церквях, всего мира. Его книга с религиозными песнями и

гимнами. <http://chort.square7.ch/Pis/Hard1.pdf>

В один из вечеров, в сентябре сидели мы с учителем Л. в его лавке и разговаривали о больших и маленьких людях. Причиной тому был наш губернатор, который посетил мою школу. И особенно важно было то, что он приехал со своим другом, меценатом и покровителем князем Трубецким. Представьте себе, как мне двадцатилетнему учителю, было лестно слышать похвалу, этих благородных сановников, которая была произнесена в высшей степени, в самых изысканных лестных словах. Я был возбужден, и изливал на моего собеседника всё, что происходило со мной и моим классом. Он слушал меня внимательно и его глаза блестели от радости. Он осторожно прервал меня:

-Есть люди, такой величины, которых не измерять ни каким аршином, даже не смотря на статус и род, в котором они родились. Вот такого великого человека, я знал, и это был ваш покойный отец, мой лучший друг. Это был такой мужественный, с внутренней силой человек, которому мог противостоять вряд ли кто-нибудь и к тому же полный смирения и послушания.

Мы, его современники, восхищались, не только его великому ораторскому искусству, но ещё больше его пастырской заботе о людях.

Одно его слово, потрясало покинутых, уничтожало кощунников, выпрямляло людей и даже целый приход приводило в брожение. В своей внутренней борьбе, он тоже был большим и сильным человеком. Один раз, после службы в церкви, кто-то сказал, что он проповедовал сегодня мощно, на что он, почти печально ответил, что сатана, уже ему об этом сказал. Уже много сражений у него было с ним. Его считали мягким человеком, даже очень мягким, любящим человеком. Я знаю это лучше: От природы он был жёстким, резким, вспыльчивым человеком. Он был велик тем, что мог себя контролировать и правильно себя оценить. Таких великих людей на свете встретишь очень редко, слишком редко.

Он замолчал, как бы обдумывая, а потом сказал,

-гораздо реже, чем большие арбузы!

-Вот посмотри этот арбуз- он взял в руки огромный великолепный арбуз, которых было в лавке много:

-Надеюсь, что и внутреннее содержание, соответствует внешнему, что не всегда большим людям, нашей планеты соответствует.

Он воткнул нож в арбуз, и он сочно раскололся сверху до низу.

-В этом арбузе соответствует! – ухмыльнулся старик. Он отрезал мне большой кусок, срочнейшего и вкуснейшего арбуза.

-Ешь, это был любимейший фрукт, твоего отца! Он знал, что может быть вкусно.

Я рассказал, что отец, однажды сказал, что Ева тайно взяла семена арбуза из рая, так как сравнится с его вкусом, у других фруктов не было шансов. Эту историю, про арбуз я знаю от твоего отца, я расскажу тебе другую, но сейчас, мне надо идти и выполнить одну работу, в лавке, но если подождёшь, то я тебе её расскажу.

Старик похромал в лавку, а я подумал, как же можно такого верного друга приобрести? У него есть родные люди, которые по идее должны быть ему дороже, чем мой умерший отец, но про них он не проронил ни слова. Откуда, такая верная дружба? Эта смесь благодарности, уважения, любви, которые есть у этого человека, к моему отцу, который давно уже умер. Видимо отец, не только боролся, но и приносил жертву, Бог знает! Надо принести тяжёлые жертвы, чтобы стать перед людьми, тем, чем стал мой отец. Как охотно я бы хотел снова увидеть и поговорить с человеком, которого, я ребёнком, называл отцом. От тех картин, что мне нарисовал о моем отце, этот старик, я почувствовал себя мелким эгоистом. Скоро Л. вернулся и рассказал мне обещанную историю

-Во время обеденного перерыва, Бернд вздремнул, но почувствовал страстное желание отведать арбуза из огорода Д. Он сразу же встал и пошёл в соседнее село, в тот дом, и сказал ошеломлённой хозяйке своё желание. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю, это означает, что надо везде себя чувствовать, как дома. Бернд был любезно принят хозяйкой, накормлен. Во время еды он подумал, что это все не спроста. Видимо Господь, что-то задумал!

Вдруг, он услышал из темной комнаты хриплый слабый голос

-Спасибо Господи, проповедник уже здесь! Это всё!

Проповедник, в короткие минуты помог, умирающему с миром уйти к Богу. Там первые будут последними. Кто не покается, как ребёнок, не сможет войти в Царство Небесное.

Это безусловное послушание, это тонкое чувство святой воли Божьей и постоянный контакт с Верхним Полководцем, сделало Бернхарда, в моих глазах Великим. Лучшего друга, я не имел никогда.

© Copyright: [Леонард Ремпель](#), 2017

Свидетельство о публикации №217051102196